

18+

Алексей Макаров
Инна Макарова

ДОРИС

Морские рассказы

Алексей Макаров

Дорис. Морские рассказы

«Издательские решения»

Макаров А.

Дорис. Морские рассказы / А. Макаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904817-2

На каждом судне есть судовые механики. Их труд для постороннего взгляда не заметен. Их работа тяжела и о ней мало кто знает. Они — в тени от общего внимания или, как всегда, в машинном отделении. О сокровенных чувствах моряков, особенно обостряющиеся в море, в оторванности от дома, жён, детей и родителей откровенно написано в книге Алексея Макарова. В книге рассказывается о работе судового механика, о трудности этой профессии и переживаниях, коснувшихся и самого автора.

ISBN 978-5-44-904817-2

© Макаров А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
«ДОРИС»	8
Начало контракта	8
Жизнь судового механика	9
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	25
Глава четвёртая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дорис

Морские рассказы

Алексей Макаров
Инна Макарова

© Алексей Макаров, 2025

© Инна Макарова, 2025

ISBN 978-5-4490-4817-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

В очередной книге Алексея Макарова «Дорис», вошедшей в серию «Морских рассказов» рассказана история судового механика, поверивший в честность людей и их порядочность, но был ими обманут.

Ведь, моряк приучен, что в море штормы и любые неприятности он встречает лицом к лицу и справляется с этим сам, потому что живет по принципу – ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО?

А, приходя на берег, он всегда беззащитен перед хитросплетениями береговой жизни.

Автору и самому понятна история, описываемая в этих рассказах, потому что он знает всю подноготную жизни моряка и прочувствовал её на себе.

За сорок лет морского стажа немудрено всё это пережить.

А с чего всё начинается? Конечно же с денег.

Деньги, с таким трудом заработанные моряком в рейсе, в конце отпуска куда-то испарились. А содержать семью – это святое дело каждого настоящего мужчины.

Опять надо идти в отдел кадров, сдавать аттестации и получать сертификаты.

А когда документы готовы, то инспектор отдела кадров, или как сейчас говорят, менеджер по распределению – твой бог и царь.

Он с тобой не церемониться. У него одна задача – заткнуть, неволью образовавшуюся дырку.

Делая честное лицо, он обещает моряку золотые горы.

Моряк знает, что бесплатный сыр находится только в мышеловке, но деваться ему некуда.

Приходится соглашаться и идти на любое предложенное судно. Ну, а если не пойдет, то потом долго-долго будет кусать локти, в ожидании следующего контракта.

Хорошо, если у моряка есть авторитет, хорошие рекомендации и инспектор полностью в него верит.

В этом случае контракт у моряку обеспечен на четыре месяца с достойной зарплатой. Она всё равно намного ниже, чем у гражданина Евросоюза, если он работаешь на европейском судне. Но для россиянина и такая зарплата сойдет.

А если инспектор не уверен в моряке, то надо готовиться к контракту месяцев на восемь, а то и на год на какую-нибудь развалюху под флагом стран третьего мира.

Дома все огорошены, что моряк покидает их настолько надолго. Жена, в преддверии разлуки, смахивает горькую слезинку, но старается не огорчать мужа и бодриться.

Дети – а это зависит от того, как их воспитала жена по отношению к отцу, во время его долгих плаваний, по-разному воспринимают отъезд отца. Но, в основном, спокойно. Ведь они с рождения привыкли, что папа всегда в море.

Потом перелет. Приёмка дел. И моряк уже один на один со всеми проблемами. Он за всё отвечает и всё обязан знать и делать.

Не дай Бог, если произойдёт какая-нибудь поломка. То тут начинается переписка, телефонные переговоры и работа, не прекращающаяся двадцать четыре часа в сутки.

Кого волнует, что моряк не спал, не отдохнул, что у него сердце выскакивает из груди...

Никого волнует, что в пятидесятиградусной жаре, обливаясь потом, он дергает поршни и производит различные ремонтные работы... Никого!

Судно должно идти! Судно должно зарабатывать деньги!

Моряка ведь для того и наняли, чтобы судно приносило доход!

А он кто? Он – пыль морская. Рвань каботажная. Он должен сутки напролет выполнять те обязанности, на которые подписался в контракте и радоваться, что ему платят зарплату. Ведь он же сам согласился на неё.

Иногда, когда нет штормов и поломок, выдаются минуты, во время которых моряк вспоминаешь свой последний отпуск. Плохое обычно не вспоминается. Помнится только самое хорошее и яркое, что моряка грело дома.

Ему хочется всё это повторить и пережить заново. Он начинаешь мечтать и придумывать себе то, что может произойти после окончания контракта.

При любой возможности моряк звонит домой из любой страны, где бы ни находился. Деньги тут уже не считаются. А когда он получает ответы на свои письма или слышит в трубке телефона далекий, родной голос, то счастливее него человека на всём земном шаре нет. И он готов этим счастьем поделиться со всеми...

Теперь он готов вновь преодолеть все шторма, чтобы добраться до того места, где его ждут и любят.

Но вот контракт окончен. Точно такой же полу растерянный механик меняет его, а он, подхватив чемодан, летит домой.

Его радостно встречают. ОН – в центре внимания. Семья, друзья, знакомые рады его появлению.

Но, это ненадолго, об этом моряку говорят взгляды и чувства любимых. Они и сами об этом знают, но жалеют моряка и не хотят портить его отпуск. Ведь праздник всегда заканчивается и начинается быт...

Жена – на работе. Дети заняты своими делами. Ведь они без моряка нормально жили... Справлялись... А тут он со своими порядками и прибабахами, приобретёнными за время одиночества и многолетних плаваний.

Может быть, на этой почве и возникнут конфликты. Но если моряк любит свою семью и ценит их отношение к себе, то он должен вникнуть во все семейные дела, заботы и быт. Он должен переломить себя. Он же умный человек. Он же смог сдержать эмоции подчиненных ему моряков в любых ситуациях. Поэтому, если на судне он смог избежать конфликтов, тогда и дома их не будет.

А о себе и своих мечтах он должен забыть. Ведь без него как-то же обходились. А он без них жить не сможет.

Если жена любит своего мужа и уважает его работу, то это состояние: ты для всех, а не все для тебя – сгладится, и моряк почувствует себя нужным, любимым и отпуск пролетит счастливо, радостно и незаметно.

Об этом незабываемом времени, когда моряк вновь останется на судне один, он будет в тиши каюты просматривать фотографии и вновь и вновь мечтать о том, что снова окажется дома, и почувствует себя нужным счастливым и любимым.

Любые совпадения имен и событий, описываемые в этих рассказах, являются случайными, которые автор развил своим воображением.

С уважением ко всем морякам и их семьям.

Алексей Макаров

«ДОРИС»

Начало контракта

Жизнь судового механика

Глава первая

Лавров поставил машину в гараж. Выходить из него не хотелось. На улице дул пронзительный ветер с температурой минус пятнадцать. Обычная погода для Владивостока в середине января. А в гараже тепло. Около нуля. Так что в тёплой дублёнке, зимней шапке и перчатках он чувствовал себя комфортно.

Выходить на улицу не хотелось. В голову лезли мысли одна хуже другой. Лавров уже с сентября находился на берегу. Скоро надо собираться в очередной рейс. Но письмо, полученное из Голландии, расстроило его.

Он никак не мог избавиться от этого поганого чувства ненужности. Они писали, что по состоянию здоровья, Лаврова не могут вернуть на предыдущее судно, а могут предложить другое, но с меньшей зарплатой. Лавров знал, что контейнеровоз, на котором он работал, в их компании только один такой большой, а остальные судёнышки – меньшего размера. И на них в машине работают только старший механик и моторист. Такое «счастье» он уже испытал в жизни и не имел никакого желания повторить его. На его предыдущем судне «Херм Кипе» в составе машинной команды работали старший механик, второй механик, электромеханик и два моториста – филиппинца. Так работать можно. Первый контракт, который Лавров на нём сделал, оказался великолепным. Работать приходилось много, но он не устал. Но вот второй контракт доконал Лаврова.

Это всё из-за линии, на которую поставили контейнеровоз. Первый порт – Роттердам. Это надо идти вверх часа четыре по дельте Рейна и сделать за одни сутки стоянки три или четыре перешвартовки к разным причалам порта. Контейнеры не подвозили к судну, а судно подходило к причалам со складированными контейнерами.

При проходе узкостей Лавров, как старший механик, обязан находиться в ЦПУ, чтобы наблюдать за правильной и безотказной работой всех механизмов машинного отделения. А если, не дай бог, произойдёт какая-нибудь поломка, то немедленно устранить её. И устранить так, чтобы судно ни в коем случае не пострадало.

При перешвартовках все механики, кроме мотористов, должны находиться в ЦПУ, чтобы наблюдать за их работой всех механизмов. Мотористы приходили в машинное отделение только в рабочее время, то есть с восьми утра до пяти часов вечера.

Второй порт – Антверпен. Это в двенадцати часах хода от Роттердама. Там вход и выход по реке Шельде и три перешвартовки в течение суток.

Следующий порт – Гамбург с входом до восьми часов по Эльбе и пятью перешвартовками за сутки.

После выхода из Гамбурга через два часа – вход в Кильский канал и проход по нему. В канале всё время надо находиться начеку, то есть – в ЦПУ.

После выхода из канала через четыре часа – Гдыня или Гданьск, потом, в зависимости от рейса, Рига, Таллин, Балтийск и один из портов в Швеции или Финляндии. И в завершении – Санкт-Петербург.

Вся эта свистопляска продолжалась неделю. Стоянка в Санкт—Петербурге доходила до двух суток. Потом переход двое суток до Кильского канала. И опять начинался новый круг со всеми предыдущими прелестями.

Второй механик спал, поставив себе два кресла, в ЦПУ. На одном кресле лежало тело, а на другом ноги. Электромеханик устроил себе матрасик за главным распределительным щитом. Лавров спал на диванчике в запасной каюте у входа в ЦПУ. И это только в минуты, когда машина не работала. В Питере экипаж делал минимальное техническое обслуживание машинной установке, потому что всё постоянно работало и не ломалось из-за отличного качества немецких механизмов.

Механизмы-то выдерживали, а люди падали с ног от усталости и недосыпания. Иной раз, проходя по палубе в темноте, Лавров спотыкался о ноги спящих матросов-филиппинцев. И он уже не удивлялся, что второй механик или электромеханик не реагируют на его появление в ЦПУ, а продолжают мирно посапывать в своих углах. Им ничего не мешало. Ни грохот работающих дизель-генераторов, ни вой вентиляторов. У них уже не оставалось сил реагировать на все эти «мелочи», как появление стармеха, потому что вымотались до предела. До такого же предела вымотался и сам Лавров. И не только он один.

Один раз он увидел капитана-немца, идущего по коридору. Его бросало от одной переборки к другой. Лаврову показалось, что он сильно пьян, но когда тот приблизился, то оказалось, что капитан просто-напросто спит на ходу. Пришлось тряхануть этого двухметрового верзилу, чтобы он пришёл в себя.

У Лаврова начало прыгать давление. То девяносто, а то сто шестьдесят. Сердце начало работать с перебоями. После каждого третьего – пятого удара, наступал сбой в его работе. После трёх месяцев такой работы Лавров попросил, капитана направить его к врачу.

В Гамбурге это удалось сделать. Врач рекомендовал Лаврову обследоваться дома, а пока выписал таблетки.

Через пару недель Лаврову пришла замена и он улетел домой. Судно так и осталось работать на этой линии. Он мог и не обращаться к врачу, а потерпеть ещё с месяц, до окончания контракта, но Лаврову что-то уж очень стало страшно за свою жизнь. Ведь не пацан уже. Ему шёл пятьдесят девятый годок такой бродячей морской жизни.

В «Фескоконтракте» Лаврову могли предложить любое судно, но он как-то постеснялся обращаться к ним за помощью. Ведь сколько лет Лавров уже сам себе находил работу...

А сейчас что делать? Хочешь не хочешь, но придётся обращаться к Петровичу. С такими мыслями Лавров закрыл гараж и вышел на принизывающий ветер.

На пути к дому находился один магазинчик. Про себя Лавров называл его «Тормоз». В нём всегда тепло и уютно, можно обогреться или спрятаться от дождя и снега, в зависимости от сезона. Цены в нём, конечно, запредельные. Но Лавров, со своей зарплатой в долларах, на это как-то не обращал внимания. Зато его всегда удивляли молоденькие лейтенантши или капитанши, мужья которых служили в госпитале неподалеку. Они, как привыкли брать в гарнизонном «чепке» всё, что надо для жизни, так и тут хапали, что не попадя. Хотя рядом находился базар, а через остановку – супермаркет с ценами на тридцать процентов меньше. Лаврову не понимал, что это у них. Или отсутствие навыка уметь жить или глупая бравада.

Вот и сейчас он зашёл в этот «Тормоз» и купил банку пива. Банкой мозги не прочистишь, но жажду перебьёшь. Да, и когда пьёшь его, мысли, как будто, становятся на место.

Лавров не стал пить пиво в магазине, а вышел на улицу. Здесь, у крыльца магазина ветра не ощущалось, он только из-за угла заносил снежинки, да грозно подвывал. Лаврова это не смущало. Ему казалось, что злоба, окружавшая его, сама так и выла. Ему хотелось от неё спрятаться.

Тут же группка молодых парней курила и о чём-то увлечённо разговаривала, но Лавров не обращал на них внимания. Он замкнулся в себе, ощущая свою ненужность и никчёмность.

Допив пиво, бросил банку в здоровенную урну у крыльца магазина и, надвинув поглубже шапку и закутавшись в воротник дублёнки, двинулся навстречу пронзительному ветру.

Неожиданно его осветил свет фар, ехавшего прямо на него джипа. Лавров заблаговременно отошёл в сторону, но джип всё равно ехал прямо на него.

«Что за идиот», – мелькнула у него мысль.

Но джип остановился и из него Лавров расслышал голос:

– Олег Иваныч. А я бы Вам рекомендовал смотреть по сторонам. А то так недолго и под колеса угодить.

Лавров подошёл к водительской двери и из опущенного стекла увидел лицо Андрея Молчанова. Да! Того самого Андрея, с которым он тридцать лет назад работал на одном судне. Правда тогда, тот работал старпомом, а Лавров вторым механиком.

Около года назад Молчанов, также на джипе, встретил Лаврова почти в этом же самом месте. Он работал директором какой-то судоходной компании и предлагал Лаврову работу у него. Тогда Лавров сказал, что подумает над его предложением. Но тогда в подобных предложениях Лаврову не нуждался. Зарплата намного выше, чем предлагал Молчанов, да и в компании он пользовался авторитетом. Поэтому о встрече с Молчановым сразу забыл.

Вот и сейчас Молчанов так же с улыбкой смотрел на Лаврова.

– Ну, что? Подумал над моим предложением? – Как ни в чем не бывало весело спросил Андрей. Как будто и не прошёл целый год, а разговор происходил вчера.

А что может сказать человек, которого, только что чуть не сбила машина? Вот так же и Лавров. Он только стоял и лупал глазами, отворачиваясь от пронзительного ветра.

– Да, как-то если, честно говоря, я и забыл про него, – непроизвольно вырвалось у него.

– Ничего, – не обращая внимания на замешательство Лаврова, так же уверенно громко говорил Андрей, – Но мне нужно с тобой очень серьёзно поговорить.

Лавров огляделся по сторонам и поёжился:

– Но не здесь же. Давай хоть в магазин зайдём, – предложил он Молчанову.

– А что? Давай. Время у меня сегодня ещё есть, – Андрей подъехал к крыльцу магазина и заглушил мотор.

Они вместе зашли в магазин. Угол у автоматов с водой оказался свободен, и они прошли в туда.

– Понимаешь, Олег Иванович, – почему-то официально начал Андрей, – через пару недель наша компания получает в Южной Корее новый балкер, а круинговое агентства так и не нашло для этой цели достойного старшего механика. А я, как только увидел тебя, так сразу и подумал, а не возьмёшься ли ты за это дело, – и пристально посмотрел на Лаврова.

Для Лаврова такое предложение явилось полной неожиданностью. Он и не знал с чего начать разговор. Но, многолетняя привычка работы в иностранных компаниях, сделали своё дело.

Во-первых – надо узнать, что это за судно, а во-вторых, обговорить вопрос о зарплате. Лавров так и сделал. О таких балкерах он уже имел представление. А вот зарплата... Поэтому Лавров сразу и спросил у Андрея:

– С судном всё понятно. А какая мне будет полагаться зарплата?

Молчанов секунду поколебался, но потом неуверенно произнёс:

– На наших судах у старшего механика оклад четыре тысячи пятьсот долларов, – но увидев желание Лаврова что-то возразить, тут же добавил: – Но для тебя мы можем сделать исключение и установить персональную надбавку.

Лавров не выдержал:

– Сколько?

– Ну, на 1000 или 500 больше, – неуверенно предложил Молчанов.

Тут уже и Лаврову пора было удивиться:

– Ну, ты даёшь, Андрей Иванович! Моя предыдущая зарплата была семь штук, а ты мне говоришь про какие-то пять. За что же это я так сам себя буду наказывать? Да и контракты у меня были по четыре месяца.

– Ну, ты не торопись, Олег Иванович. Ты подумай. Судно ведь новое. Да и контракт мы тебе сделаем поменьше, чем у всех.

– Сколько? – Лавров уже начал напирать на него.

– Ну, месяцев шесть. Меньше не могу. Никто тогда не поймёт меня.

Ох! Как Лаврову не хотелось идти на такие кабальные условия. Если бы ему предложили это пять лет назад, то он бы и секунды не сомневался. Сразу бы согласился. Но сейчас...

Видя его колебания, Андрей тут же переменил тон.

«Ох, и хороший же ты психолог, Андрюша», – тут же подумалось Лаврову.

– Вот тебе моя визитка. Адрес написан внизу. Это новый адрес нашей компании. Это у таксопарка. Завтра приходи. Мне очень нужен опытный старший механик.

– Но, ваши зарплаты намного ниже моей. Да и контракты длиннее, – не ожидая такого поворота событий, начал мямлить Лавров.

Но Андрей, уже взял быка за рога. Чувствовалась хватка начальника.

– Ничего, ничего. Завтра всё обсудим, обо всём договоримся. Я через несколько дней улетаю ненадолго в Сингапур. Так что, если надумаешь, то я тебя жду. Не тяни с этим вопросом. Мы его должны решить в ближайшие дни. Всё! Давай. Пока. До завтра.

Он крепко пожал Лаврову руку и вышел из магазина. А тот всё ещё стоял и обдумывал только что услышанное, стараясь всё переварить и вышел из магазина.

Ветер задувал ещё сильнее. Он моментально пронизал Лаврова до костей. Тот не стал ждать, пока его совсем продует а, закутавшись в дублёнку, чуть ли не бегом, двинулся в сторону дома. Благо, что идти до него минут десять.

Нина сразу открыла дверь.

– Ну, наконец-то. А то, я уже забеспокоилась. Куда пропал? – но учуяв запах пива, моментально сменила тон. – Опять пиво, И, конечно же, как всегда крепкое. Ну, сколько можно!? Ведь каждый день одно и то же. Тебе что? Напоминание на лоб прибить? На работу тебе надо. А то ты тут от безделья уже не знаешь, куда себя деть.

Она всё больше и больше распалаясь. Но, внимательно взглянув на Лаврова, изменила тон:

– А что произошло? Что случилось? Нет! Я же вижу, что что-то случилось. Давай, выкладывай.

А Лавров и не собирался от неё что-либо скрывать. Ему хотелось излить из себя только что полученную информацию. Он прекрасно знал, что только своей Ниночке он может доверить свои мысли и она его всегда поймёт. Она всегда скажет, где Лавров прав или не прав.

С этого-то он и начал.

– Представляешь. Я опять встретил Молчанова. Ну, помнишь? В прошлом году он предлагал мне работу у него в компании.

Нина подумала и тут же вспомнила:

– Конечно, помню. Но ведь у них и контракты длиннее и зарплаты меньше. И экипажи русские. Ты же ведь давным-давно позабыл, как работать с русскими.

– Да всё я это знаю, – прервал Лавров её, – но судно-то совсем новое, только со стапелей. Сколько можно дерьмо разгребать! – недовольно вырвалось у него, но уже другим тоном он добавил: – Хочется и на новом судне себя попробовать.

Нина внимательно посмотрела на мужа и покрутила пальцем у виска:

– А ты, похоже, уже всё для себя решил. Что же это ты у меня совета спрашиваешь? Знаю я тебя. Если что у тебя поселилось в твоей голове, то это уже оттуда не выковырять, – и, глубоко вздохнув, ушла в большую комнату.

А Лавров переоделся и сел к компьютеру подредактировать кое-какие записи. Через некоторое время Нина вошла в комнату, села на диван около него и грустно произнесла:

– А так уже всё наладилось. Контракты четыре через четыре, зарплата достойная. А тут опять восемь месяцев одна.

– Нет! Только шесть, – попытался успокоит её Лавров.

– Да, да. Верь им, этим русским. Это сейчас, когда им надо, они обещают золотые горы. А потом будет, как всегда. Вспомни пароходство. Что? – она уже ехидненько заглянула в глаза Лаврова. – У тебя память отшибло? Как я не хочу опять оставаться одна так надолго! – с болью вырвалось у неё и грустно продолжила: – У всех мужья, как мужья. А у меня... Вечно его нет дома. Вечно он где-то что-то бороздит. И только телефонные звонки... Как будто только в них и заключается жизнь, – она тяжело вздохнула и с тоской посмотрела на мужа.

А что Лавров мог сказать в ответ? Она во всём права. Просто у него работа такая. Именно бороздить эти долбанные моря и океаны. Особо-то он этих морей и океанов и не видел. Если только на мостик подняться, чтобы на карту посмотреть, а так вся жизнь проходит между машиной и каютой. В машине – работа, а в каюте отдых. Как на флоте шутят – за что моряки любят море? А за то, что на работу не надо далеко ходить. Сунул ноги в тапочки – и ты уже на работе. И, конечно же, за холодный компот.

«Нет. Не подходит мне предложение этого Андрея», – непроизвольно подумал Лавров и, повертев в руках визитку, положил её в ящик стола.

– Завтра позвоню Петровичу и узнаю у него насчёт работы, – с этой мыслью он и завалился спать пораньше, потому что Нине на работу надо идти с утра.

По неписаной традиции, когда Лавров находился дома, он утром просыпался первым. Шёл в гараж и пригонял к дому машину. Делал зарядку, мылся и готовил завтрак. В семь десять будил Ниночку, и они вместе завтракали. Потом она одевалась и уезжала на работу, а он из кухни смотрел, как она выруливала на дорогу и на прощанье машет ему рукой. Потом Лавров заваливался спать. Ближе к обеду просыпался, вновь умывался и ждал, когда жена приедет с работы. Время, оставшееся до её приезда, он посвящал посещению базара и заполнению холодильника, приготовлению пищи и наведению порядка в доме.

Но сегодня распорядок дня нарушился. Часов в десять его разбудил телефон. Звонил Молчанов.

Как ни в чём ни бывало он бодро начал:

– Что, разбудил? Долго же ты спишь Олег Иваныч. Я вот уже давно на работе, а ты всё сны смотришь.

Спросонок Лавров ничего не мог понять. Кто и насчёт чего ему звонит. И вообще – кто это? Чего ему надо? Он даже по голосу не мог определить – кто это. И поэтому так тупо и спросил:

– Кто это? Чего это Вы мне звоните?

На том конце провода бодро отреагировали:

– Вот это ты спишь! Мы же вчера вечером говорили с тобой, чтобы ты подумал о новом судне. Ну, и что ты надумал?

– Да ничего я ещё не надумал, – Лаврова такая назойливость и настойчивость уже начинали раздражать. Он только никак не мог выбрать форму отказа. Чёртова интеллигентность не позволяли ему послать человека подальше на все те же общеизвестные буквы.

– Так ты думай быстрее. У меня времени не так уж много осталось. Я же на днях должен уехать. Я же тебе говорил об этом. Надо всё решить до моего отъезда. Давай, приезжай сейчас. Уже конкретно тогда и обговорим все детали.

– Не могу я сейчас. Жена на работе, а она уехала на машине. Не поеду же я к тебе на автобусе.

– А когда сможешь? – перебил его Молчанов.

– После двух часов, когда она вернётся с работы, – Лавров и в самом деле колебался.

Ну, не мог он сейчас ответить Андрею на его вопросы конкретно! Уж больно невыгодные для него предлагаемые условия. Одно только его прельщало. Судно новое.

– Хорошо, – согласился Андрей. – Только обязательно приезжай. Я скажу секретарше. Вахтёр тебя без задержки пропустит.

– Ладно. Я постараюсь, – пообещал Лавров.

На том конце, трубку сразу же положили. Видно, Андрею, да ещё при его должности, было за падло так лебезить с каким-то старшим механиком, хоть и старым знакомым. Вот именно, что старым, которого тридцать лет не видел и абсолютно счастливо жил без него все эти годы.

Лавров примерно так же и подумал про себя.

Но если, он примет это предложение, то Молчанов автоматически становился для него Андреем Ивановичем. Об их знакомстве никто не должен знать. И Лавров, со своей стороны, не должен будет допускать каких-либо фамильярностей. Ведь это будет русский экипаж с известной ему завистью и сплетнями. Но это уже являлось другой стороной такого соглашения.

Ох, и не хотелось Лаврову принимать это предложение. Сколько будет всяких условностей, если он примет его! Сколько сразу же возникнет подводных камней! Ведь ему придётся работать в русском экипаже. А это – зависть, сплетни, пересуды, закладничество, создание всяческих группировок, недовольство начальством и его приказами. И он сразу вспомнил работу в пароходстве.

Отвык Лавров от всего этого за последние двенадцать лет.

В иностранных компаниях такого не было. Там всё предельно просто. Задача – одна. Чётко выполнять свои должностные обязанности и приказы, а за всё это тебе платят достойную, конечно для нашей страны, зарплату. Всё! А если что не нравится – иди и жалуйся в свою подушку. Демократия осталась за воротами компании. У тебя есть контракт. Будь добр соблюдать его. Знал, на что шёл, когда подписывал его.

Теперь придётся опять ломать себя. Вот примерно в таких думах и прошло время, оставшееся до приезда Ниночки.

А она, как только увидела своего озадаченного мужа, так всё сразу и поняла:

– Езжай, езжай. Тебя же ни за что не переубедишь. Пока сам себе не разобьёшь лоб, ведь не успокоишься же.

Лавров, чтобы избавиться от излишних откровенных взглядов со стороны жены быстро собрался и поехал к Андрею.

Обочины дорог от недавно прошедшего снегопада оставались завалены сугробами. Поэтому он с трудом воткнул машину напротив офиса. Да и то, сигнализация на брелке звенела от каждого проходящего грузовика.

Охранник дальше порога его не пустил. Но после звонка к секретарше недовольно махнул Лаврову рукой в сторону, куда ему надо проследовать.

Стройная девушка в приёмной предложила присесть, когда узнала имя посетителя.

– Андрей Иванович. К Вам пришёл Лавров, – пропела она в телефон.

– Пусть заходит, – тут же раздался голос Андрея, прекрасно слышный Лаврову из трубки телефона.

Секретарша любезно посмотрела в сторону Лаврова и мелодично пропела:

– Андрей Иванович Вас ждёт. Проходите, пожалуйста.

В приёмной у Молчанова жарко, да и в кабинете оказалось не прохладнее. Андрей встал из кресла, вышел из-за стола и с протянутой для рукопожатия рукой, подошёл к Лаврову. Видя, что тому жарко, радушно предложил:

– Ты разденься. Вещи положи вот здесь на диванчик и садись. Нам есть о чём потолковать. Чай, кофе? – излучая улыбку, вкрадчиво говорил он.

Слова так и лились из него.

Подозрительная, нарочитая любезность кольнула Лаврова. Промелькнула тревожная мысль:

«Уж больно сладко стелет. Как бы, не пришлось глубоко падать. А, может быть, Нина и права, что не стоит мне с ними связываться».

Но Андрей круто взял быка за рога и сразу начал атаку, не давая Лаврову ни единого шанса на раздумья:

– Ну, и что же ты надумал? – напористо поинтересовался он.

– Да, я особо и не думал. Хотелось бы всё это обсудить. А лучше, чтобы это всё было на бумаге. Ведь во всех компаниях у меня был договор. И я, согласно этому договору, так и работал, – нерешительно начал Лавров.

– Конечно, конечно. Будет тебе договор. Только я тоже подумал. И пойду тебе навстречу. Контракт мы тебе сделаем на шесть месяцев, и оклад пять тысяч. Извини, но больше не могу. Не поймут меня там, – и он ткнул пальцем в потолок.

– Но, Андрей Иванович, это же не то, что было у меня в предыдущей компании ... – вяло начал Лавров.

Но Молчанов тут же перебил его:

– Зато это новое судно. Ты сколько раз работал на новых судах? – Неожиданно спросил он.

– Да, пару раз и работал ... – едва вставил Лавров, как Молчанов вновь перебил его:

– Вот-вот. Всего-то пару раз. А остальное – всё на старье. Не надоело тебе выгребать дерьмо за другими? А тут будет своё! Всё новое. Работай! – и он, широко улыбнувшись, развёл руками.

Лавров попытался опять что-то вякнуть, но Молчанов всё также напористо продолжал:

– Не переживай, все технические тонкости тебе расскажет Бондарев. Он тут рядом. В конце коридора. Ты его знаешь по пароходству. Он тебя со всем и знакомит. Хочешь, так прямо сейчас он это и сделает, – и, не дожидаясь согласия Лаврова, тут же набрал номер. – Михал Николаевич? Сейчас к тебе зайдёт старший механик Лавров. Так ты ему расскажи про «Дорис» поподробнее.

Видимо, получив положительный ответ, он положил трубку и, уже по-деловому, как будто Лавров уже дал своё согласие на работу, продолжил:

– Ну, а потом сходишь к капитану-наставнику по безопасности, поговоришь и с ним. Когда закончишь с ними, то зайди ко мне.

После всего этого потока информации Лаврову ничего не оставалось делать, как встать и взяться за вещи. Но Молчанов перебил его жест:

– Нет, нет. Вот когда поговоришь, то тогда опять зайдёшь ко мне. Я с тобой не прощаюсь. Буду ждать. Секретарша тебе покажет, куда надо пройти для беседы, – и указал Лаврову рукой на дверь кабинета.

Делать нечего. Лавров вышел в приёмную. Навстречу ему выпорхнула секретарша:

– Пройдёмте, Олег Иванович. Я покажу Вам кабинет Михаил Николаевича, – и Лавров, как безвольный телок, поплёлся за ней.

Конечно, Лавров в лицо этого Бондарева не помнил, и он, естественно, его тоже, поэтому, только о том, что они работали в пароходстве, говорить им больше ни о чем не пришлось. Бондарев только спросил Лаврова:

– А после пароходства, где работал?

– В «Фесконтракте».

– А чего ты там работу не ищешь? – и Бондарев испытующе посмотрел на Лаврова. Взгляд его так и обжёг того.

«Непростой дядька, этот Михал Николаевич. Держи ухо остро Олежка», – предостерег его внутренний голос.

– Так вот, Андрея Иваныча встретил, – работая под простачка, ответил Лавров.

– И что? Друзья вы, что ли с ним? – Бондарев опять пронзил Лаврова взглядом.

– В юности пришлось вместе поработать, – как можно безразличнее ответил тот.

– Понятно. А что же ты настолько деньгами себя наказываешь? Или деньги тебе не нужны? – продолжал допытываться Бондарев.

– Лишние деньги никогда не помешают. Они всегда нужны. Просто я никогда не был на приёмке нового судна. Хочется приобрести и такой опыт, – прикидываясь простачком, Лавров наивно смотрел на Бондарева.

– А-а-а, – протянул тот. – Опыт – это хорошо. Да судно ведь не простое – современное. Сделано оно по последнему слову техники. Оборудование очень сложное. Особенно – главный двигатель.

– Что за двигатель? – заинтересовался Лавров.

– «МАН – Бурмейстер и Вайн» последней модификации, – важно произнёс Михаил Николаевич.

– Так у меня на последних трёх судах такой двигатель стоял. И поршня, и клапана на них приходилось дёргать. А по форсункам я даже на фирму рацпредложение отправил, – как можно беспечнее подыграл Лавров Бондареву.

На что тот с удивлением посмотрел на него.

– Ну, если есть опыт, то тогда тебе будет легче. А так тебе всё об этом в Корее Аверин расскажет, если Газаров у тебя аттестацию примет, – весомо предупредил Бондарев.

«Меня что, здесь ещё и тестировать будут? Вот это да!» – недовольно про себя подметил Лавров. – «В каждой компании свои прибабасы».

В иностранных компаниях хватало того, чтобы все сертификаты у старшего механика находились в норме, а тут надо ещё и аттестацию проходить! Вот это новость!

«Что же... Посмотрим, – опять непроизвольно подумалось Лаврову. – Если не пройду, то не велика беда, Петрович найдёт мне работу и без этих аттестаций», – опять промелькнула шпионская мыслишка, готовившая Лаврову путь к отступлению и самооправданию в случае неудачи.

Но виду он не подал, а спросил:

– И где Газаров находится?

– А ты поднимись на этаж выше. Его кабинет прямо надо мной.

– До свидания, – попрощался Лавров с Бондаревым и пошёл в кабинет к Газарову.

За столом сидел поджарый седоватый мужчина. Он поднял на входящего Лаврова глаза, оторвавшись от каких-то документов.

– Разрешите представиться. Старший механик Лавров, – отрапортовал он, как учили его в училище.

Вместо ответа, Газаров протянул руку, поздоровался и спросил:

– Документы с собой какие-нибудь есть?

– Нет. Ничего с собой не взял. Просто Бондарев сказал, чтобы я зашёл к Вам.

– А что ко мне заходить? Я здесь только спрашиваю и определяю Вашу пригодность для компании, – усмехнулся Газаров.

– Ну и спросите то, что спрашиваете? – Лавров нагло уставился на Газарова.

Тот, наверное, такой борзоты не ожидал и, с интересом глянув на Лаврова, хмыкнул:

– Хорошо. Вот и спрошу. Если ответишь, то и дальше будем говорить, а потом смотреть твои документы. Ну, а если не ответишь, то извини. Они мне больше не понадобятся, – от его слов Лавров напрягся. Вот сейчас всё и решиться. Сейчас разрешаться все его сомнения.

– И что же Вы закончили и в каком году? – издали вежливо начал спрашивать Газаров.
– ДВВИМУ в 1974 году, – облегчённо выдал из себя Лавров.

Зато потом вопросы посыпались один каверзнее другого. И по СОЛАСу и по МАРПОЛу и по МКУБу. После примерно тридцати вопросов Газаров приостановил допрос и мирно сказал:

– Ну, что же. Жду Вас завтра с документами. Вам ещё придётся прочесть документы о политике нашей компании и отчитаться мне в знании и понимании их. А теперь вернитесь к Андрею Ивановичу. Он Вас очень хотел видеть, – приподнявшись, Газаров пожал Лаврову руку и вновь уткнулся в свои бумаги.

– До свидания, – попрощался Лавров и вернулся в приёмную Молчанова.

Секретарша так же любезно открыла дверь кабинета и пропустила его.

Андрей Иванович сидел за столом. Он уже не поднялся, а только посмотрел на Лаврова, но также дружелюбно проинформировал его:

– Ты понравился всем нашим. Так что приходи завтра к девяти. Побеседуешь с экономистами, суперинтендантами, а потом поедешь в круинговую компанию, чтобы подписать контракт.

Лавров такой расклад ошаршил. Без него его же и женили. Вот это да!

Видя такое непонимание написанное на лице Лаврова, Андрей Иванович недовольно отреагировал:

– Ну, что тут непонятного? Что тебе искать ещё чего-то лучшего? Ведь всё же нормально!

– Да нет. Не очень-то и нормально. Это всё на словах. Вот ты мне говорил про пять тысяч. Это реально? – Молчанов при этих словах отвёл глаза в сторону. – Так сколько будет моя зарплата? – уже напрямую задал вопрос Лавров.

– Да будут тебе твои пять тысяч. Не переживай ты так, – раздражённо ответил Молчанов.

– А переживаю я в основном за то, что у моей жены обнаружили в груди какое-то уплотнение, – начал спокойно объяснять Лавров, – взяли пункцию для анализа и будут определять нужна ли ей операция или нет. Вот это меня волнует больше всего. Вот почему мне нужен контракт на срок не больше шести месяцев. В любом случае я должен быть дома в августе – сентябре.

– И это тебе будет. Шесть – так шесть. Завтра после бесед с нашими экономистами и юристами всё тебе организуем и подпишем. Но с утра съезди в круинг, возьми там направление на аттестацию и с Василием Петровичем согласуй свой контракт. Времени остаётся мало. Через неделю приёмная часть экипажа вылетает в Корею. Там у вас будет пару недель на приёмку, а потом уже и в рейс. Экономисты уже подыскивают вам подходящий рейс. Так что, давай. До завтра. Смотри. Не опаздывай, – Молчанов вышел из-за стола и крепко пожал руку Лаврову, когда он закончил одеваться.

Лавров вышел на улицу, сел в машину так и ничего не поняв о произошедшем. Это что? Они уже его приняли на работу? Вот это да! Что он скажет Нине? Это ведь через неделю вылетать. Оё-ёй! Сколько же ему придётся выслушать о себе столь «ласковых и нежных» слов, на которые способна только его жена?! А если она их не скажет, то он и так все сам поймет, прочитав это в её наполненных тоской глазах.

Доехал он до дома быстро. Но никак не решался выйти из машины. Всё сидел и думал, как же он всё это скажет Нине. А что тут говорить? Он и сам не знал, принят он на работу, или не принят. Она же говорила своему упертому мужу:

– Не иди, не соглашайся.

А он, как валенок, поддался на все уговоры Молчанова.

Лавров вышел из машины, подошёл к двери подъезда, открыл её электронным ключом, подошёл к квартире и нажал кнопку звонка.

Нина как будто стояла за дверью. Она тут же открыла дверь и встретила Лаврова вопросительным взглядом, который он так четко и представлял себе.

В глазах у неё стояла тоска и понимание. И ничего не пришлось больше говорить – она все поняла: что скоро опять наступит разлука, что ее «глупый» муж все-таки принял решение идти в этот рейс, что работа ему важнее, чем она. Ну, какие слова тут можно ещё сказать?

Она ничего ему не говорила, а только обняла своего непутевого мужа, положила голову ему на плечо и, тяжело вздохнув, посмотрела ему в глаза. Подняла руку и указательным пальцем постучала ему по лбу:

– Дурак ты, дурак. И за что я тебя только люблю? Ну, делай, как хочешь, – и, круто развернувшись, ушла в большую комнату.

Лавров так же обалдело стоял на пороге, не зная, что же ему дальше делать.

Он разделся и прошёл следом за женой.

Нина смотрела очередной сериал. Он сел рядом с ней на диване, посмотрел несколько минут очередную тупость нашего кинематографа и, выйдя из комнаты, прошёл к компьютеру. Открыл свой файл, где находилась библиотека со всеми документами, которые необходимо хотя бы вкратце возобновить в памяти.

Это МАРПОЛ, СОЛАС, МКУБ. Их он листал часа два-три, освежил документы в памяти и посмотрел последние экзаменационные билеты, по которым сдавал последнюю переаттестацию на подтверждение диплома. Получалось, что вроде бы, он всё знал и вернулся в комнату.

Нина сидела в прежней позе. Ничего не изменилось. Но по её отрешённому лицу он заметил, что она очень расстроена. Присев рядом с ней, он взял её за руку, и слегка прикоснулся губами к краешкам её глаз.

– Ну что, родная, спокойной ночи? – но увидев её печальные глаза, начал целовать свои любимые озера, в которых утопал многие и многие годы.

Глава вторая

Утром, как всегда, Лавров поднялся, сходил в гараж за машиной. По чётным числам Нина работала с обеда и поэтому он её не будил.

Сев в машину, он поехал в круинг, расположенном в одном из зданий, ранее принадлежавших пароходству.

Войдя в офис, поздоровался и представился:

– Я Лавров, старший механик. Меня направили для уточнения и подписания контракта.

Навстречу ему из-за стола поднялся высокий лысоватый мужчина, пожал руку и тоже представился:

– Василий Петрович.

Рядом с ним сидел Борткин. Лавров его знал ещё по отделу кадров пароходства. Так вот куда он перекочевал. Наверное, в пароходстве не так много платили и работать приходилось больше. Видимо, поэтому он ещё больше растолстел.

Борткин улыбнулся Лаврову как старому знакомому и пожал руку.

Василий Петрович изображал радушие:

– Ладно, показывайте Ваши документы.

Лавров достал из портфеля всю кипу бумаг, что имел, и выложил их перед Василием Петровичем.

Тот долго изучал документы Лаврова и, закончив их перебирать, обратился к нему:

– Вот Вам обходной лист, Вы обойдёте всех, кто указан в списке, получите руководящие указания и сдадите аттестацию по указанным пунктам. После этого Вы возвращаетесь ко мне, и мы тогда подпишем с Вами Ваш контракт. И только тогда он будет действителен. Вот Вам проект контракта. Пожалуйста, ознакомьтесь с ним, – выпалив всё это одним махом Василий Петрович глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла.

Лавров посмотрел в проект контракта и увидел, что там указана зарплата четыре пятьсот долларов и продолжительность контракта восемь месяцев. Пришла пора удивляться и ему:

– А это что такое? – он показал цифры Василий Петровичу. – Не может такого быть. Тут должно стоять пять тысяч и контракт на шесть месяцев.

Василий Петрович, соответственно, тоже удивился:

– А в чём проблема? У нас контракты для всех стандартные.

Но Лавров настаивал на своём:

– Но, я же с Андреем Ивановичем договаривался обо всём. И о том, что у меня будет именно такой контракт. Только на шесть месяцев. По-другому я не согласен работать. Просто я не буду его подписывать, если там будут стоять другие цифры, а не те, о которых мы договорились с генеральным директором.

Видимо, никто до этого никогда не выдвигал ему таких требований, поэтому Василий Петрович, не ожидая такого наглого заявления, тут же позвонил Молчанову. Трубку подняла секретарша:

– Андрея Ивановича нет, – услышал Лавров её певучий голосок. – Он будет через полчаса.

Василий Петрович повесил трубку и в недоумении посмотрел на Лаврова:

– Ну что ж, если Вы не согласны со стандартным контрактом, то поезжайте к Молчанову и говорите с ним лично. Просто у нас контракты по-другому не составляются, – решительно закончил он, откладывая бумаги в сторону.

Лавров и сам удивился. Что такое? Он же договорился с Молчановым о зарплате и продолжительности рейса. Неужели он ничего не передал в круинг про эти изменения в контракте?

Что за непонятки? Всё через одно место у этих русских. Говоришь об одном, а в итоге – всё наоборот.

Лаврова это уже начинало удивлять и раздражать. Ведь это не близкий путь проехать в середине рабочего дня из одного конца города в другой. Весь город в это время всегда уже забит пробками.

Забрал у Василия Петровича документы, он сел в машину и поехал обратно.

Но утренние пробки уже рассосались, и он вскоре добрался до места.

Когда он приехал, Молчанов уже находился у себя в кабинете и секретарша без лишних проблем пропустила Лаврова к нему.

Войдя в кабинет, Лавров без всяких сантиментов резко спросил:

– Андрей, а в чём дело? Чего мне там лепят горбатого? Там мне пишут четыре с половиной тысячи и восемь месяцев контракт. Мы же договорились на пять тысяч и шесть месяцев!

– Да, да, да! – Молчанов раздраженно отреагировал на слова Лаврова. – У тебя будет написано четыре с половиной, но мы с тобой заключим отдельное соглашение на пятьсот долларов ежемесячно, поэтому общая сумма у тебя получится пять тысяч. А про шесть месяцев контракта я просто не успел позвонить Василию Петровичу.

Он тут же набрал номер телефона.

– Василий Петрович, – начал Молчанов. – Извини. Ну, я просто не успел вчера сказать, потому что было уже поздно, да и замотался я. У Лаврова будет контракт на шесть месяцев, так и запишите ему. А сумма контракта останется прежней. Но мы ему сделаем отдельное соглашение, по которому он и будет получать оставшиеся деньги. Он сейчас тут сделает кое-какие дела и ближе к вечеру подъедет, – и, положив трубку, посмотрел на Лаврова. – Что ты лезешь?! – не скрывая раздражения, продолжил он. – У капитана пять тысяч. Ты что? Забыл, что ты начинаешь работать у русских? Тебе нужны лишние сплетни? Мне лично, лишние перекуды не нужны. Юристы составят наше с тобой соглашение, тогда мы его и подпишем. Будут у тебя твои пять тысяч. – Уже дружелюбно посмотрел он на Лаврова и протянул ему руку для рукопожатия. – Что ты волну гонишь? – мирно закончил он.

Лавров от всего увиденного и произошедшего удивился не меньше Молчанова.

– Андрей Иванович, – нервно начал он, – я не могу подъехать в круинг после обеда. У меня жена с двух часов работает, надо ей машину отдать. Она же сама на работу ездит.

– Ну, так ты её сам отвези, – перебил его Молчанов, – а потом вечером и встретишь после работы. А пока занимайся этими делами. Пойми. Времени до отъезда у нас с тобой мало, – уже спокойно увещевал он Лаврова.

Что оставалось делать? Пришлось Лаврову с ним согласиться.

Ему как-то вскользь подумалось:

«Ладно, хорошо. Сделаю все дела сегодня».

Он съездил в круинг и поговорил с Василием Петровичем. Тот показал Лаврову его новый контракт, где прописал, что у него основной оклад составит 4,5 тысячи долларов в месяц с продолжительностью шесть месяцев.

Василий Петрович впечатал эти данные в новый контракт, и Лавров его подписал, а затем получил обходной лист со списком тех, кому он должен сдать аттестацию.

Когда он приехал домой, то Нина уже собралась ехать на работу и волновалась от того, что может опоздать.

Она торопливо поцеловала его и раздражённо поинтересовалась:

– Где ты едешь? Я же опоздаю.

Времени на лишние разговоры не оставалось, поэтому Лавров предложил:

– Давай, я тебя сейчас отвезу на работу, а вечером заберу, – и пояснил своё решение: – Мне надо сегодня сделать кучу дел.

Нина пристально посмотрела на своего озадаченного мужа:

– Всё-таки ты согласился, – с горечью в голосе произнесла она. – Ну что же. Другого, я от тебя и не ожидала.

Лавров пожал плечами:

– Ну, извини, вот так всё получается, – и развёл руками.

Он помог ей надеть шубу, и они вышли во двор к машине.

Лавров отвез жену на работу. На удивление, сегодня это получилось быстро.

Когда машина остановилась у её клиники, он обнял её, поцеловал и пообещал:

– Я за тобой приеду к восьми часам вечера. А пока буду заниматься сдачей аттестации.

Из клиники он сразу же вернулся в офис и начал, согласно списку, подписывать обходной. Первым делом зашел к суперинтендантам.

Миша, его однокашник, как раз сидел там суперинтендантом именно по этому судну.

Он обрадовался, увидев Лаврова. Не так часто, они однокашники, встречались вместе. Сейчас стало получаться, что встречи происходили ежегодно. Да, и то, не все из живых их посещали.

После приветствий и обыденных вопросов Миша посочувствовал:

– Ох, и головняк же ты себе выбрал. Но ничего, ты справишься со всем, я знаю. Башка у тебя есть, всё у тебя получится. Но сначала сходи к капитану-наставнику, потом к механику-наставнику, экономисту и подтверди свои знания на английском языке у юриста. Только потом вернёшься ко мне. Мы тогда с тобой тут тоже побеседуем, – Лавров пожал Мише руку и пошёл к наставникам.

У экономистов его ошарашила очередная новость:

– Да-да, – безразлично посмотрел на него худощавый мужичок.

Где-то Лавров с ним встречался в пароходстве. Но где? Что-то память в этих воспоминаниях стала отказывать ему. Но напрягать её сейчас ему не хотелось. Мужичок тоже не признал Лаврова.

После рукопожатия он, уже более доброжелательно, продолжил:

– Сейчас вы, первая группа, поедете в Корею. Примете судно и пойдёте на Канаду. Там примете часть груза и пойдете догружаться на США. В Портленд. Там сделаете догрузку и пойдёте на Австралию. Потом мы будем вам искать другой контракт. Ваша задача, как старшего механика, это – представлять нам отчеты по топливу. Будете посылать их два раза в сутки. Один – вы будете писать чартеру, а другой посылать нам в офис. Этот отчёт надо посылать по Владивостокскому времени на 9 часов утра, в какой бы точке земного шара вы ни находились. Понятно?

Лавров сразу представил себе такую процедуру. Ничего себе! Это ему надо на 12 часов дня судового времени отправлять отчёт по топливу чартеру. Это ладно. Он всегда это делал на предыдущих судах. А вот по Владивостокскому – в офис?! А если судно будет находиться в такой точке земного шара, где будет два часа ночи судового времени, когда во Владивостоке будет 9 утра. Это значит, что ему придётся среди ночи вставать, считать, идти на мостик и отправлять все данные, а потом идти и оставшееся время досыпать, чтобы с восьми утра выходить на работу.

Ему сразу подумалось:

«Вот это да! Вот это перспектива!»

Но Лавров сам сделал программу именно для таких целей. Она всё считала сама, ничего страшного в этом он не видел. Только одно напрягало, что придётся вставать среди ночи, потому что если в Америку ушёл, то это восемь часов разница. Вот тебе и получается, что отчёт надо отправлять в четыре часа дня вчерашнего дня, а если в Европе, то в два часа ночи следующего дня.

«Ну, ничего, – подбодрил себя Лавров. – Пробьёмся».

После экономиста он зашёл на подтверждение английского языка к юристам. Молодой парень на ломаном английском, с очень твёрдым русским акцентом предложил ему прочесть какой-то документ. Что-то про балластные системы, балластные насосы и правила перекачки балласта. Лавров бегло прочёл предложенный текст. На что юрист с интересом посмотрел на него и с удивлением спросил по-русски:

– Вам всё понятно, то, что Вы прочли?

– Конечно, – подтвердил Лавров по-английски.

– Ну, тогда перескажите этот текст, – предложил парень вновь по-русски.

Лавров пересказал ему текст сначала по-английски, а затем и по-русски. Юрист удивленно смотрел на Лаврова:

– Да. Вообще-то, Вы один из первых, кто мне так хорошо ответил на все вопросы по этой системе.

Лаврову стало приятно, что хоть кто-то сегодня оценил его знания:

– А что тут такого? Это моя работа. Английский технический у меня очень хорошо идет. Так же и телефонные переговоры на эти темы. Многолетняя практика сказывается. Ведь я уже почти двенадцать лет с этими переговорами связан. Вот поэтому так и получается.

– А, – протянул юрист, – тогда ладно, – и поставил подпись на обходном листке.

После этого Лавров пошёл к механику-наставнику.

Михаил Николаевич повторил ему то, что говорил вчера и подытожил:

– Остальное тебе расскажет Аверин в Корее. Иди к наставнику. К Газарову. Он очень хочет тебя видеть.

Когда Лавров вошел к Газарову в кабинет, то тот уже соизволил подняться из-за стола и поздороваться за руку. После этого сунул Лаврову две внушительные папки:

– Вчера ты мне на все вопросы ответил, я тебя больше допрашивать не буду. Читай вот то, что там у нас в компании по МКУБу (Международный кодекс по безопасности управлению судном) прописано. Прочитаешь, тогда ещё раз побеседуем.

Папки оказались внушительного размера. Одна – толщиной сантиметров в семь. И вторая – такая же внушительная, но толщиной поменьше.

Взяв папки, Лавров уселся за стол рядом с Газаровым и принялся читать. Читал он почти до пяти часов вечера, а потом обратился к Газарову:

– Что-то у меня в глазах двоится.

Тот посмотрел на Лаврова поверх очков и усмехнулся:

– Ну, и правда. Пора тебе заканчивать, потому что в пять пятнадцать у нас совещание. Так что ты, давай, сдавай мне папки и можешь ехать домой. Завтра приезжай к девяти часам.

Лавров потянулся, разминая затёкшую спину, положил папки на стол Газарову и вернулся домой.

Ему завтра надо отвезти Нину к восьми часам на работу, а потом уже можно читать эти долбанные папки до обеда.

К восьми вечера он подъехал за Ниной. Когда она села в машину, то он обратил внимание на её расстроенный вид.

Лавров притянул её к себе, обнял за плечи и поцеловал.

– Ну, что ты такая хмурая? Что-нибудь случилось?

Она отстранилась от него:

– А ты как думаешь? – сделав паузу, она недовольно продолжила. – Конечно! Всё нормально! Муж уходит в рейс на восемь месяцев. Всё нормально! – она начала заводиться.

– На шесть, – едва удалось вставить Лаврову.

– Ах! Я даже забыла – на шесть, – раздражение Ниночки начало переливаться через край. – Это, значит, полгода мне быть одной. Как же мне всё это надоело! – горечь сквозила в каждом её слове.

Тут требовалось что-то срочно делать, а то женская логика может довести вулкан до извержения и тогда от цунами никуда Лаврову не деться.

– Ну, так я же уйду не на гильотину или на войну. Вернусь же. Это же не навсегда. У нас же всегда так было. А потом, когда вернусь, мы опять будем долго-долго вместе, – Лавров постарался привлечь жену к себе и поцеловать. – Поедем, отдохнём в тёплые края, – он попытался вновь заглянуть ей в глаза.

От его слов они потеплели, и он вновь прижал жену к себе.

Ниночка мягче, но уже без надрыва продолжала выливать на мужа своё недовольство:

– Я-то думала, что ты выговоришь себе четыре месяца, как было раньше. Четыре через четыре ты работал, и у тебя всё получалось. Я уже привыкла к такому режиму. А тут опять шесть месяцев. Это же полгода я буду одна! – чуть ли не со слезами в голосе воскликнула она. – Мне никто не поменяет кран, меня никто не погладит, мне никто не скажет ласкового слова, меня никто не возьмет за руки и не поцелует их, и не заглянет в глаза. Опять ночью спать одной в этой чёртовой холодной постели. Как мне всё это надоело! – уже с надрывом вырывалось у неё.

Лавров всё это прекрасно понимал. Потому что за последнее время происходил уже не первый такой разговор. Он и сам понимал, что они уже не настолько молоды, поэтому каждое такое расставание отдавалось болью в душе.

Но Лавров старался не подавать вида, что эти разлуки и ему очень тяжелы. В последнее время он старался уезжать с улыбкой. Наверное, эта улыбка её так сильно и раздражала. Она ему всегда после этого говорила по телефону:

– Всё! Уходит с таким счастьем, как будто избавляется от семьи. На работу он уходит, видите ли. Да из дома он убегает на свою проклятую работу!

Сейчас, помня прошлые разговоры, Лавров сделал грустное лицо.

– Ну, мамусик. Перестань. Всё равно работать мне же надо. Да и кому я здесь нужен на берегу? Что я тут буду делать?

– А как же другие здесь устраиваются? – не сдавалась Ниночка.

– Как, как? Не знаю, как. У меня так не получается.

Нина отстранилась от Лаврова и посмотрела в его честные глаза.

– Тебя не переделаешь, – горько вздохнула она. – Поехали домой, горе ты моё луковое.

Они быстро доехали до гаража. Лавров поставил машину, и они под ручку не спеша вернулись домой.

Погода стояла прекрасная. Потеплело, ветер прекратился. Только лёгкий морозец слегка пощипывал щёки.

Дома тепло, тихо и уютно. Они только вдвоем. Он помог Ниночке раздеться, повесил шубу в шкаф, и они долго стояли в коридоре, обнявшись, чувствуя тепло друг друга.

Глава третья

Утром Лавров с трудом разбудил жену. Ей на работу надо к восьми часам. Накормил её завтраком, отвёз на работу и вернулся в офис. Сел за стол и продолжил читать папки.

В два часа Нина заканчивала работу и к двум часам Лавров поехал забрать её. Дома они вместе пообедали, а потом Лавров вновь вернулся в офис.

Только он сел за стол, как у него зазвонил телефон. По мелодии звонка он сразу понял, что это звонит Нина и, вынув телефон из кармана и пытаясь говорить тихо, спросил:

– Алё. Ниночка. Что стряслось? Чего звонишь? – а ответ услышал, чуть ли не истерический крик жены:

– Немедленно приезжай домой! У нас потоп!

Ничего не понимая, Лавров попытался выяснить причину звонка:

– Какой потоп?

Трубка непроизвольно начинала дрожать в руке. Зная свою жену, Лавров начинал понимать, что произошло что-то из рук вон выходящее.

В их квартире на первом этаже, если стояк сливной трубы забивается, то в раковине на кухне начинала булькать вода, затем заполнять её и, если вовремя не отреагировать, то переполнит мойку и начнёт течь на пол.

Нина в панике кричала:

– Вот! Не успел ты уехать из дома, а меня уже топят! Что мне потом одной делать? Приезжай немедленно, я не знаю, что мне тут делать! Я уже вычерпала два ведра, но вода не перестаёт идти с верхних этажей и меня тут топят!

Газаров слышал этот разговор, и Лавров посмотрел в его сторону:

– Михаил Григорьевич, жена звонит – потоп дома. Мы на первом этаже. Мне надо срочно вернуться домой, – Лавров вопросительно посмотрел на Газарова.

– Конечно, поезжай, – спокойно отреагировал он на просьбу Лаврова.

В подтверждение своих слов Лавров, для убедительности, добавил:

– Но я сейчас же вернусь, когда всё сделаю.

– Да, езжай, езжай, – махнул ему рукой Газаров.

Лавров немедленно оделся и выбежал во двор, где стояла машина.

Приехал он домой быстро, благо дороги оказались свободными. Это заняло минут двадцать.

Открыв дверь своим ключом, он скинул верхнюю одежду и вбежал на кухню.

Нина стояла с ковшиком в руке и отчерпывала воду из кухонной раковины. Лавров вырвал у неё ковшик и отчерпал одно ведро, затем второе. В промежутках между ведрами он приготовил чоп а, когда раковина опустела, выдрал сливной патрубок и забил его им.

Нина со спины наблюдала за всеми его манипуляциями. Когда она увидела забитый чоп, то с ехидцей произнесла:

– Что? И это всё?!

Лавров непонимающе посмотрел на неё:

– Ну, пока все. Я же читаю инструкции у Газарова. Мне надо до завтрашнего дня их прочесть. Вода-то не течёт. Если я сейчас открою трубу, то нас уже точно затопит.

Нина дёрнула плечом, отвернулась и ушла в дальнюю комнату.

Ну, а ему что тут ещё делать? Вода не течет. Он ещё раз проверил чоп, развернулся, сел в машину и поехал обратно в офис.

Только он приехал в офис и принялся за чтение инструкции, как у него вновь зазвонил телефон. Эта вновь звонила Нина. На этот раз она уже спокойно комментировала происходящие события. Её голос с железным оттенком комментировал происходящее:

– Твой чоп вырвало! Вода опять льется! Нас опять топят! А я больше не собираюсь черпать эту пакость, – чеканила она слова, как будто забивала гвозди в трубку телефона.

Господи, Боже мой! Надо что-то срочно делать и Лавров поделился с Газаровым, что происходит дома:

– Жена опять звонит. Наверное, я уже сегодня не вернусь, потому что уже четвертый час, – показал он глазами на часы. – Поеду я, устраню потоп, про который говорит жена.

Газаров с пониманием отреагировал на его просьбу:

– Да езжай, езжай. Перед рейсом не надо жену сильно раздражать. Сделай всё, что она просит.

Ну, понятно – старый моряк. Сам знает, что такое последние дни дома.

Лавров вновь сел в машину и вернулся домой.

Точно. Вода в кухне залила весь пол. Он вновь вставил вырванный чоп. Разделся, чуть ли не до трусов и начал собирать воду с пола. Всё убрал и попытался выяснить, что же произошло со шлангом. Благо у него имелся запасной переходник с трубы на шланг. Когда он вытаскивал шланг из трубы, то резинка на нём лопнула. Пришлось подгонять новую резинку по месту.

Для прочистки сливной трубы он давным-давно сделал 18-метровую проволоку-«змею», а сейчас засунул её в сливную трубу, чтобы пробить в ней засор.

После пробития засора в трубе «змея» без видимых усилий вертелась в ней. Тогда он подсоединил резинку с переходником и собрал все трубы. Все! Налил воды в раковину – она свободно сливалась. Осмотрел трубы – утечек воды не наблюдалось.

Нина с ним не разговаривала. Она молча сидела в большой комнате и что-то вязала. Пришлось подлизываться.

– Ну, что ты, – подхалимским тоном Лавров пытался завязать с ней разговор, – ну, мне же учиться надо.

– Я всё понимаю, – наконец-то подняла она глаза на мужа. – Но для тебя главное – твоя работа. Ты уже всё – в море! Ты уже на работе! Ты ничего не хочешь делать дома! Опять всё будет взвалено на меня, на мои плечи! И так будет продолжаться полгода!

– Ну, мамусик, успокойся, – как можно мягче начал уговаривать её Лавров. – Всё, что нужно, только скажи, сейчас же всё сделаю. Все сальники проверю. Все краны отремонтирую. Прибью все гвозди, подклею все обои, – и он принялся устранять небольшие неполадки, образовавшиеся за последнее время в квартире.

Там гвоздь забить, тут провод провис, там ещё что-нибудь, тут розетка болтается. Ну, так допоздна он и занимался устранением неполадок.

Утром Лавров вернулся в офис и, дочитав инструкции, обратился к Газарову:

– Ну, всё – дочитал.

– Ладно, ты и так всё знаешь, – мирно проговорил он. – Смотри! В три часа у нас первичный сбор экипажа. Надо чтобы все познакомились друг с другом. Да и тебе надо обязательно там быть, – Лавров с облегчением понял, что допрос по прочитанным папкам отменяется:

– Хорошо, приеду. Сейчас жену отвезу на работу и приеду, – ответил он, стараясь побыстрее покинуть так надоевший ему офис.

Перед отъездом домой, он зашёл в кабинет Молчанова.

Секретарша неизменно находилась на месте.

Лавров сразу же спросил у неё:

– К Андрею Ивановичу можно?

Она подняла свои томные глазки и пропела:

– А Андрея Ивановича нет. Он утром улетел в Сингапур.

Услышанное Лаврова поразило, но он попытался хот что-то выяснить у секретарши:

– Он должен был составить дополнительное соглашение, и мы его должны были сегодня подписать.

Секретарша тут же ответила:

– Да, он оставил это соглашение. Оно у Мишина, у его зама, – и кивнула на дверь рядом, – Но и его сейчас нет. Он будет ближе к вечеру.

Опять двадцать пять! Что ж так не везёт с этими бумагами?

Делать нечего. Лавров попрощался с секретаршей и вышел.

Машина стояла во дворе офиса, он прогрел её и вернулся домой. Отвез Нину на работу (у неё сегодня приём до восьми вечера) и к трем часам подъехал к конторе круинга.

Зашёл к Василию Петровичу и поздоровался с ним.

Сбоку от его стола скромно сидели две тётеньки. Одна, как говорит зять Лаврова, «глазастая-глазастая». «Глаза» – не меньше, чем на 5-6-ой размер. Другая – как приспущенный шарик. Губы поджаты, сидит молча, уставившись в пол. Ни на кого не смотрит.

«Ну, – подумалось Лаврову, – уж очень серьёзная тётенька. Не дай Бог с ней поссориться. Бедный сам сто раз потом будешь. А кто же повар из них?»

Он подошел к женщинам и, как можно вежливее поздоровался. Они ответили на его приветствие, а полненькая «глазастая» женщина представилась:

– Меня зовут Олеся Васильевна, а это Екатерина Михайловна. Я повариха, а это будет наша буфетчица. Вот вы с ней, – поучительно обратилась она к Лаврову, – дружите. Она у вас будет каюту убирать и следить за чистотой. Поддерживайте с ней хорошие отношения, – и томно повела глазками. – Мы с Екатериной Михайловной уже не в первый рейс вместе ходим, поэтому друг друга хорошо знаем.

Ну, понятно, бывалые морячки. Екатерине Михайловне далеко за пятьдесят, а Олесе Васильевне на вид лет под сорок пять.

Так потом и оказалось, когда, чуть позже, Василий Петрович дал Лаврову судовую роль с их именами. Тут стали подходить и другие члены экипажа.

Лавров заметил, что в офис зашёл представительный, неразговорчивый мужик. Уж очень суровый вид имел он. Лавров даже не мог представить себе, кто это такой.

«Ну, – подумалось ему, – наверное, это старпом».

Потому что у капитана вид должен быть, по опыту Лаврова, совсем другим.

А за громилой заходит, даже не заходит, не вбегает, а проскальзывает – какой-то небольшого росточка – метр шестьдесят с кепкой – человек, который сразу кинулся к шкафу, где стояли папки с личными делами, затем к Василию Петровичу. Пожал ему руку и тут перед ним все засуетились и Лавров понял свою ошибку.

Ботинки на высокой платформе, в высокой норковой шапке, кожаная куртка с подкладными плечами. Но и даже со всеми этими прибабасами человек имел рост ну не больше, чем на метр шестьдесят пять. Нос крючком. С первого взгляда в нём проскальзывало что-то такое, еврейское.

Для Лаврова это никакой роли не играло. В своё время «Тунгуской», где он работал вторым механиком, командовал примерно такой же капитанишка под названием Шаталович Борис Моисеевич. Тоже метр шестьдесят с кепкой, зато жена у него превышала метр семьдесят

пять и достигала килограммов девяносто с лишним. Так Шаталович выглядел точно таким же шмындриком, как и этот просочившийся человек.

Как Шаталович, только не дрючил Лаврова! Как он только над ним не изгалялся, да какие только козни не устраивал! Но в течение полугода, что Лавров работал на «Тунгуске» (а Молчанов там тогда работал старпомом), всё выдержал с честью. Но больше одного рейса в «полярку» выдержать не смог и свалил в больницу. Жена ему сделала больничный лист и его тогда «срочно» положили в больницу, потому что с Шаталовичем Лавров уже не мог работать. От одного взгляда на капитана Лаврова начинало поколачивать и мелко трястись руки от ожидания очередной пакости.

Увидев этого небольшого, юркого, чернявенького, носатенького человечка, Лавров прикинул:

«Ну, это будет не Шаталович, но что-то похожее. Ну что ж. Что делать? Если судьба уж так свела. Может быть, второй раз не получится так, как с Шаталовичем, а пронесёт? Ну, там видно будет. Что загадывать? Море покажет, кто есть кто».

Приехал Газаров.

Василий Петрович собрал весь экипаж в небольшой комнате, и они с Газаровым начали проводить первый инструктаж.

Вначале начали выкликать по судовой роли фамилии членов палубной команды, а затем очередь дошла и до машинной команды. Первым назвали, конечно, Лаврова.

Василий Петрович называет должность:

– Старший механик.

Лавров поднимается:

– Я.

– Назовите ваше имя-отчество.

Лавров назвал и все с любопытством посмотрели в его сторону. Перед этим такая же процедура коснулась и палубной команды. Так надо. Надо с первых же шагов обозначить, кто есть кто и какую должность кто занимает. Чтобы с самого начала все соблюдали субординацию, и избежать панибратство.

Затем следует:

– Второй механик, – рядом с Лавровым поднялся смазливового вида мужчина. Аккуратно, со вкусом одет. Одежда до мелочей тщательно пригнана. Лавров это заметил, как только тот вошёл в офис. Своим видом он очень выделялся на фоне других членов экипажа. Сразу бросилось в глаза, что этот человек очень любит себя любимого.

– Назовите ваше имя-отчество, – продолжал Василий Петрович.

Называет.

Когда Василий Петрович дал Лаврову судовую роль, то он только вкратце ознакомился с ней и ещё не запомнил имена всех своих подчинённых. А теперь, сверяясь с ролью по памяти, он смотрел на вызываемых.

Понятно – это второй механик, это третий механик, это четвертый механик. Электромеханика при переключке отсутствовал, потому что жил не во Владивостоке, а в Преображении. Василий Петрович ещё вчера предупредил Лаврова, что электромеханик приедет только в аэропорт.

А вот этот здоровый громила, что вошёл с капитаном – оказался токарем. Сразу подумалось:

«Да, тяжелоатом мне с ним будет – неразговорчивый он больно».

Руки-крюки, сильные, жилистые. Один палец – как два его. Плечи, как у молотобойца. Спина слегка ссутулена. Такому под горячую руку не попадайся – зашибёт.

«Ничего, и не с такими справлялись», – невольно подумалось Лаврову.

А сварщик – прямая противоположность ему. На вид компанейский мужичок, располагающий к себе с которым можно и поговорить, и договориться.

Представили штурманов и матросов.

Второй помощник удивил Лаврова. С виду простецкого вида человек, но глаза выдавали, что он не так-то и прост по себе.

Одним из условий, которые Газаров зачитал перед новым экипажем – являлось то, что всем им придётся оставить демократию за воротами этого офиса и что здесь начинаются правила компании, контракт с которой подписан и, согласно этим правилам, они будут жить ближайшие восемь – девять месяцев. А дальше он так и сказал:

– Так что читайте свои контракты заново от корки до корки. А кто не согласен, тот может не подписывать контракт. За порогом стоит достаточно моряков, которым очень нужна эта работа. Вот условия контракта, – он достал рабочую толстую папку и попросил каждого написать её содержимое.

Подписывать требовалось каждый лист на обороте. Листов оказалось не меньше пятидесяти. Пришлось каждому ставить по пятьдесят подписей. Бодяга с подписанием контракта затянулась ещё на час, пока моряки, не глядя в содержимое документа, что-то чиркали в нём.

Лавров тем временем попросил механиков подойти к себе:

– Механики, пожалуйста, давайте отойдем в угол, я хочу с вами поговорить, – обратился он к залу, в котором сидели его подчинённые.

Второй механик подошёл первым. Седоватый, вальяжный. Красивое, лощёное лицо. Для второго механика оно, как-то не подходило. Наверное, он поработал уже старшим механиком, потому что вид имел уж очень значительный и аристократичный.

Как потом и оказалось, что он работал старшим механиком на судах, возивших машины из Японии во Владивосток. Оборзевший, наглый, отвыкший работать руками, ничего не умеющий человек и абсолютно не знающий английского языка.

Третий механик – высокий парень Коля. Лавров сразу понял, что Коля будет пахать – и кувалдой махать, и во все дыры ползет и себя не пожалеет ради работы.

Четвертый механик – невысокого роста, щупленький, с заинтересованными глазами парень лет тридцати. Лаврову он сразу понравился. Чувствовалось, что и этот во все дыры залезет. Так потом и оказалось – он самостоятельно, без всякой посторонней помощи изучил всю машину и системы своего заведования, сделав несколько, довольно-таки толковых рацпредложений, которые потом Лавров отослал Аверину.

Аверин в одном из писем даже поблагодарил Лаврова за изобретательность.

Лавров Аверину по поводу этих внедрений даже письмо посылал, где писал:

– Уважаемый Владимир Борисович. Эти рацпредложения были предложены четвертым механиком, а я только содействовал их внедрению и оформлению.

На что тот ответил:

– Ну, ничего. Главное – что эти предложения мы внедрим на следующих балкерах, которые будут строиться в дальнейшем для нашей компании.

Компания планировала построить ещё четыре таких же балкера. Балкер, на котором работал Лавров, строился вторым в серии.

Первый балкер из этой серии спустили на воду за несколько месяцев до «Дорис» (он сейчас пошёл в Бразилию).

После того, как Лавров побеседовал с механиками, они подписали правила компании. Во время его беседы с механиками особенно выделялся второй механик. Если все внимательно слушали старшего механика, так тот на каждое слово Лаврова отвечал немедленной реакцией:

– Да-да-да-да, я понимаю, это вот так и надо делать. Да-да именно так и должно быть.

Только Лавров начинаю развивать мысль, как тот тут же перебивал его:

– А был такой случай у нас...

Лавров не выдержал и одёрнул второго механика:

– Подождите, Семен Иванович, подождите. Я сейчас всё расскажу, а потом, когда мы выйдем на улицу, Вы нам расскажете все случаи Вашей жизни. У нас впереди ещё шесть месяцев рейса и будет достаточно времени, чтобы всё это прослушать.

Второй механик сразу же отреагировал на его слова, а Лавров поймал себя на мысли, что тут он прокололся:

– Почему шесть? У нас же у всех восемь, – и второй внимательно посмотрел в глаза Лаврова.

В ответ, посмотрев на такой пронзительный взгляд, Лавров только и смог ответить:

– Ну, значит, восемь. Не будем обсуждать это сейчас. Я с вами разговариваю совсем не по этому поводу.

Лаврову не хотелось афишировать, что он знаком с Молчановым, что его по какому-то благу приняли в компанию, что условия контракта у него не такие, как у всех. Потому что это может вызвать зависть в русском экипаже (знал же он это), пересуды и всякие неприятности, которые могут в дальнейшем сказаться на моральном климате экипажа.

Поэтому Лавров продолжил:

– Газаров сказал, чтобы мы оставили всю демократию за воротами этой компании. Но я хочу вам сказать. Что это он пусть так сам думает. А я бы хотел, чтобы наоборот мы не забывали о ней. Мы будем в море долго и нудно работать. И если мы будем только работать, как написано на страницах этого контракта, то никакая работа у нас с вами не получится. Это будет только каторга. Я бы хотел, чтобы каждый из вас это понял. И пусть каждый отнесётся ко всем делам и заботам, которые встретятся за это время так, как бы он отнёсся к ним у себя дома. Спокойно и рассудительно. Пусть каждый из вас поймёт это, – он сделал небольшой паузу и посмотрел на механиков, окружающих его. – И делает всё, как будто бы он делал это для себя, для своей семьи. А в итоге труд каждого из нас – объединит нас. Ведь в итоге – это наша безопасность в море, которая сохранит нам наши жизни и позволит живыми и здоровыми вернуться к нашим семьям.

Механики притихли и смотрели на Лаврова с удивлением:

– А я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы вы это почувствовали, – в подтверждение своих слов продолжил Лавров: – И тогда и контракт пролетит быстрее, и работа будет спориться лучше.

Механики смотрели на Лаврова с удивлением. Видимо никто из них не ожидал от нового старшего механика таких слов.

В углу, где Лавров собрал механиков, стало тихо. Наверное, каждый из них переваривал только что услышанное. Только Санёк (моторист, который закончил высшую мореходку и пошёл в рейс зарабатывать ценз) влез в разговор:

– А вот, вся документация будет на английском языке. Это понятно. Как же нам с этими инструкциями разбираться? – задав вопрос Санёк нетерпеливо смотрел на Лаврова.

– А вы что? Не знаете английского языка? – Спросил Лавров по-английски и с удивлением посмотрел механикам в глаза.

В ответ – тишина. После продолжительной паузы до него дошло, что его вопрос никто не понял:

– Значит, не знаете английского? – уже по-русски продолжил Лавров.

– Ну, как? – это опять оказался второй механик. – Учили же мы его в школе...

– А я в школе немецкий учил, – влез в разговор Санёк.

– А я – французский, – добавил третий механик.

Тогда для интереса, Лавров задал этот же вопрос по-немецки.

Результат оказался прежний – тишина. Тогда, видя безысходность ситуации, он всем сказал:

– Не переживайте. Все разговоры с иностранцами и документацию – я беру на себя. Если возникнут трудности с языком или при прочтении инструкций – сразу же обращайтесь ко мне.

«Народ» облегчённо вздохнул, а вездесущий второй механик добавил:

– Это уже легче. С этим можно будет уже жить.

Таким образом они и поговорили, а потом вышли на улицу.

Здесь уже второй механик завладел всеобщим вниманием. Подошёл токарь, этот здоровенный мужичара, но, как только он увидел выходящего капитана, то сразу же метнулся к нему и завёл с ним какой-то разговор. С места, где стояли механики, Лавров не слышал о чём они говорят.

У токаря рост под метр восемьдесят. Но он так заглядывал в лицо капитана, что со стороны казалось будто токарь даже меньше его ростом. Он что-то гудел басом, заискивающе заглядывая в глаза капитана, расположенные у него на уровне груди.

Лавров особо не прислушивался к их разговору, но у токаря лицо имело такое слащавое выражение, а его действия и мимика выражали столько подхалимажа, что Лавров понял, что у них уже есть именно тот человек, который все события произошедшие в машинном отделении, даже если кто-то и пукнет там за углом, передаст капитану.

Ему стало очень неприятно, что такое в машинном отделении уже завелось. Но что делать? Не он набирает экипаж, поэтому не его это дело.

Это психологи составляют экипажи для космолетов, а сейчас тот экипаж, который уже набран для нового судна – надо воспринимать, как действительность.

Это когда Лавров работал в пароходстве, то там-то он приходил в отдел кадров и не говорил, а требовал:

– Мне нужен вот этот моторист, а этого мне не надо, он себя не оправдал. Заберите его себе назад, а вот этого оставьте мне.

С механиками он поступал точно так же.

Машинная команда на судах, где он работал, всегда оказывалась сплоченной и дружной. Так что многие парни в экипаже, работали вместе с Лавровым долго. Текучки в машинной команде не было. Если механики уходили, то только на повышение, а мотористы работали по три-четыре года.

И даже, когда он уже работал под флагом, то все, когда узнавали, что он работает под этим флагом, просились:

– Возьми нас к себе.

Но там Лавров уже ничего не мог поделывать, но всегда, если он знал, что это стоящий специалист, всегда честно говорил им:

– Поймите, ребята. Не могу я этого сделать, но помогу, чем могу, – и отводил их к Петровичу, рекомендуя:

– Вот этот парень хочет работать, и я рекомендую его как хорошего специалиста.

Петрович брал их и никогда не говорил Лаврову, что он привел ему какое-то дерьмо собачье или ещё что-нибудь в этом роде, а Лавров всегда оказывался доволен своим бывшим экипажем, когда-то им созданным.

Но сейчас он не знал, что ему делать и как поступить с токарем.

После перекура экипаж вновь позвали в офис, где Лаврову выдали кипу журналов, которые они должны привезти в Корею на судно. Эти журналы должны заполняться обязательно (по старинке, как в пароходстве) в дополнение к компьютерным отчётам.

Журналы по технике безопасности, по пожарной безопасности, машинные журналы и многое, многое другое.

Если в иностранном флоте один машинный журнал заводился на три месяца, то тут на восемь месяцев требовалось везти с собой восемь журналов. Вот так сразу по десять штук и вручили ему в руки.

Кроме того, требовалось привезти с собой на судно различные инструкции, папки с инструкциями, компьютеры, мониторы. То есть всё, на что фирма не хотела тратить лишние деньги за пересылку. Всё это требовалось компанией переть экипажу с собой.

Лавров взял только то, что было их, машинным. Он тут же распределил эту кучу барахла между членами машинной команды. Получилось, что это и не так уж и много. Свою кучку он сразу же сложил в машину.

На прощанье Василий Петрович позвал его и капитана к себе в кабинет и проинформировал:

– Через два дня вы должны подойти ко мне, и я уточню дату отлета. Вот вам телефонные номера всех ваших подчиненных. Вы обязаны обзвонить и известить их, какого числа вы будете вылетать, чтобы избежать опозданий и недоразумений.

После сбора экипажа Лаврова поехал не домой, а вернулся в офис. Чтобы забрать у Мишина дополнительное соглашение.

Молчанов ему пообещал составить договор о дополнительном соглашении на пятьсот долларов, по которому компания должна их ему ежемесячно выплачивать или перечислять на его счет эти деньги.

С этим соглашением творилось что-то непонятное. Лавров уже кусал локти, что согласился с предложением Молчанова о работе. Потому что когда он два дня назад заходил к нему с вопросом об этом соглашении, тот недовольно ответил ему:

– Сейчас оно ещё не готово. Юристы его ещё не составили. Они мне его отдадут сегодня, и мы вместе с тобой его подпишем.

А когда Лавров, не выдержав и позвонил ему позавчера, то услышал тот же ответ:

– Нет-нет, они ещё не составили соглашение, они ещё ничего не сделали, но я сейчас потребу, чтобы они его немедленно приготовили. Так что приходи завтра.

И вот после сбора экипажа Лавров вернулся в офис компании. Секретарша, как будто ждала его. Она излучала самую любезность:

– Вас ждут, – улыбаясь показала она Лаврову на дверь зама.

Он прошёл в кабинет. Мишин сидел за столом. Лавров пожал ему руку и сразу спросил:

– Ну, и где оно, это соглашение?

А Мишин, вежливо улыбаясь, пододвинул ему листок бумаги:

– Вот оно, пожалуйста.

Лавров взял в руки листок и бегло просмотрел их. Оказалось, что это всего лишь ксерокопия контракта, а подпись Молчанова поставлена как факсимиле, а не как обычно, от руки.

«Да, ладно», – как-то непроизвольно подумалось ему, когда он просмотрел эту страницу с хитро закрученными фразами.

Увидев нерешительность Лаврова, Мишин в очередной раз улыбнулся:

– Да Вы садитесь. Читайте, – радушным жестом указал он на стул возле своего стола.

Лавров сел и начал читать. Контракт какие-то дошлые дядечки составлен только на английском языке.

Лаврову то всё равно, на каком языке составлен этот контракт. Он и так понимал, что там написано. Но они же находились в России, где любой документ изначально должен составляться на русском языке, а потом уже переводиться на английский. Поэтому все инструкции по МКУБу, по несению вахты и прочие документы составлены в двух экземплярах, на английском и на языке, понятном экипажу.

Прочитав соглашение, Лавров в недоумении поднял глаза на Мишина:

– Почему это соглашение составлено только на английском языке?

– Ну, это Молчанов так его составил, я ничего об этом не знаю. Мне было сказано передать этот документ Вам, чтобы Вы его подписали. А как он составлен, и почему – меня это не должно касаться.

Лавров посмотрел на документ, повертел его в руках и вновь перечитал его.

Ему в этом соглашении один пункт очень сильно не понравился. Там значилось, что пятьсот долларов будут выплачиваться не ежемесячно, а после окончания контракта и, если за контракт не случится каких-либо нарушений по технической или дисциплинарной части с человеком, с кем заключен этот контракт, то они будут выплачены в полном объёме. Если одно из условий этого индивидуального соглашения не будет соблюдено, то тогда по окончании шестимесячного контракта вся сумма по дополнительному соглашению не выплачивается.

Когда Лавров это прочитал то его, как дубиной огрело:

«Ну, ни фиги себе! Это же в какую кабалу я попал? Если я не там пукну или кто-нибудь меня по злобе заложит, я ж денег своих так и не получу, потому что я нарушу условия этого договора», – моментально проскочила у него мысль.

Вот это Молчанов! Вот это хитрец! Вот это лепший кореш! Это вот почему он до последнего дня тянул с подписанием индивидуального соглашения. Он знал, что Лавров будет не согласен с этим пунктом.

У Лаврова такое сомнение закрадывалось ещё изначально. Ещё с того дня, когда Лавров пришел к Молчанову первый раз из круинга, после беседы с Василием Петровичем.

Тогда Лавров спросил у него:

– Андрей Иванович, так почему контракт не на пять тысяч, а на четыре пятьсот?

От его вопроса Молчанов тогда на Лаврова взбеленился:

– Ты что! Ты же работаешь в русском экипаже! Ты что, хочешь, чтобы на тебя косились? Капитан будет первый коситься, когда узнает, что у тебя зарплата будет больше, чем у него. Ты что?! Это невозможно! – но потом, чуть успокоившись продолжил. – Это потом мы индивидуально всё с тобой обговорим, ты не переживай, всё будет выплачено. Составим индивидуальное соглашение.

– А у капитана, какая зарплата? – поинтересовался Лавров.

– У капитана четыре восемьсот. У тебя четыре пятьсот.

Лавров пожал плечами:

– Ну, а если у меня сразу пять тысяч будет? Ну, давай, чтобы сразу. Без всяких отдельных бумаг.

– Нет. Мы составим индивидуальное соглашение, в котором все суммы и будут указаны. Подожди пару дней. Юристы его составят и тогда мы его подпишем, – Молчанов тогда уже просил Лаврова, что на него было совсем не похоже.

«Ну, подпишем, так подпишем. Это же генеральный директор обещает», – поверил тогда Лавров на слова Молчанова.

Но когда Лавров прочитал пункты, которые они с Молчановым вообще не оговаривали, он не знал, что ему делать.

Эту кабалу подписывать? Или послать всё к чёрту и идти к Петровичу в «Фесконтракт» и с ним разговаривать о новом трудоустройстве.

Это опять ещё месяц ждать нового назначения. А какое судно он даст Лаврову? Старье какое-нибудь? А тут – совсем новый балкер. Только со стапелей. Муха не сидела. Он будет первым старшим механиком на нём. И сколько бы лет этот балкер ни отработал, в его документах навсегда останется его фамилия, потому что она – первая.

Лавров сидел в размышлениях. Не зная, как ему поступить. Но, понадеясь на русский авось, махнув рукой и подписал подsunутую копию. С неё тут же сняли копию и отдали её Лаврову.

Он взял эту копию соглашения, положил в портфель с общими документами, только с одной мыслью:

«Да будь что будет. Не думаю, что Андрей меня „прокатит“. Скорее всего, так оно и будет, потому что уж больно кровно он обещался, что эти пятьсот долларов будут выплачены обязательно».

Лаврову тут же вспомнилась подобная история, как его хорошего друга Вовку Иванова, точно также «обул» его очень хороший знакомый Салов. Так этот Салов так и не заплатил Вовке обещанных денег, найдя в его работе какие-то недостатки.

Лавров в глубоких сомнениях сложил только что подписанный договор в портфель и двинулся домой. До рейса оставалось два дня. И ему надо достойно их провести в кругу семьи. Ведь потом долгие полгода все его близкие будут вспоминать только эти последние два дня.

Через два дня Лавров позвонил Василий Петровичу. Того на месте не оказалось, но Борткин сказал, что первая группа должна улететь шестого февраля утром в Пекин, а из Пекина придётся лететь в Южную Корею и дальше в Пусан.

Лавров удивился такому полёту и непроизвольно спросил Борткина:

– А почему не сразу в Сеул, а потом уже в Пусан.

– А по-другому никак не получается. На этот день были только такие билеты, – объяснил Борткин и добавил: – Предупредите об этом, пожалуйста, второго механика. Электромеханику мы сами позвоним.

– Хорошо, позвоню, – принял к сведению Лавров и тут же набрал номер второго механика.

Тот долго не брал телефон, но когда взял его, то ухо Лаврова вспотело от того, сколько советов он дал круингу и сколько выдвинул предположений о предполагаемом рейсе. Когда Лаврову надоело его слушать, он прервал заболтавшегося Семёна Ивановича:

– Семён Иванович, у нас будет достаточно времени обсудить всё это в аэропорту. А пока мне надо заниматься домашними делами, – и повесил трубку, не дожидаясь ответа с противоположной стороны.

Улетать, значит, завтра. При своей профессии Лавров никогда не забывал, что рано или поздно придётся расставаться с родными и близкими, но, чтобы вот так, сразу – это всегда являлось неожиданностью.

Самое главное, это набраться смелости и сказать об этом Нине. Она ещё находилась на работе. Так что времени на подготовку к встрече с ней Лаврова ещё имел.

Он оделся и пошёл на базар. Хорошо, что тот находился недалеко от дома. Даже, если медленно идти, то это занимало не более десяти минут.

На базаре он, по своему усмотрению, набрал на вечер продуктов и вернулся домой. Надо ждать Ниночку. Но как сказать ей, что завтра он уедет на целые полгода, Лавров над этим вопросом ломал себе голову.

Достав дорожную сумку, он начал подбирать вещи, которые понадобятся ему на эти полгода. По какой-то не писаной традиции, он только выкладывал необходимые ему вещи на стол, а уж потом, когда Ниночка проверила, что он собрал, только тогда складывал их в сумку.

Звонок в дверь прервал его сборы. Он подошёл к двери и открыл её. Это пришла Ниночка.

Наверное, Лавров встретил её с таким видом, что как только она вошла, то сразу же поняла, что муж должен уезжать.

– Когда? – только печально прошептала она.

– Завтра утром надо быть в аэропорту, – пролепетал Лавров.

Сумка чуть ли не выпала у Нины из рук. Лавров едва успел её подхватить, а Ниночка смотрела на него со слезами на глазах, не в силах произнести ни единого слова. Сил у неё хватило лишь на то, чтобы обнять своего непутевого мужа и уткнуться в его плечо. Слезы сами собой лились у неё из глаз. Она старалась их скрыть, вытираясь о плечо Лаврова, застывшего в преддверии предполагаемых событий.

Но минута слабости вскоре прошла, и Нина подняла ещё влажные глаза на Лаврова:

– Ждала же, знала, что это произойдёт, но всё это так неожиданно... – и вновь уткнулась в плечо мужа.

Они так и стояли в коридоре. Он не знал, что сказать и непроизвольно гладил её по спине, выдавливая из себя какую-то ересь:

– Ну, ну. Не надо. Не плачь. Я тебя люблю. Полгода быстро пройдёт. Ты не переживай.

Она вновь оторвалась от плеча мужа и уже более твёрдым голосом спросила:

– И когда у тебя самолёт?

– В семь утра надо выехать, чтобы успеть к началу регистрации. Дорога ведь на аэропорт сейчас вся разбита. Надо будет выехать заранее.

– И куда вы летите? – уже настойчивее спросила она.

– Сначала в Пекин, а потом в Пусан. Там нас встретит агент и отвезёт в заводской отель.

– Ты хоть звонить то мне будешь? – это она уже спросила более твёрдым голосом. Она как-то сразу успела овладеть собой и успокоиться.

– А как же! При первой же возможности! – горячо начал заверять её Лавров.

– Ладно уж врать то, – с усмешкой произнесла Ниночка.

И потом, уже совсем другим тоном заговорила.

– Надо же с работы отпроситься. Сейчас я позвоню Ирке. А ты не сиди тут сложа руки. Давай, давай звони детям. Обрадуй их, что ты смываешься на полгода. Пусть порадуются за своего батьку, – и, в досаде махнув рукой на Лаврова, пошла, звонить хозяйке клиники.

Ну, всё! Обрадовался в душе Лавров. Значит, первая атака выдержана, и войска надолго залегли в оборону. Можно звонить детям. Он переоделся и, отогнав машину в гараж, продолжил заниматься сборами.

Последний вечер перед рейсом провели дома всей семьей. Пришли Данила с Олей, Алена с Викой и Деней. Алёша в море, поэтому Ира пришла с Никитой и Анюткой.

Накрыли стол в зале. Ниночка успела зажарить на вертеле курочку и сделала различные салатики. Посидели вечером, поговорили. Кое-кто и слезу пускал. Викуська бегала от стола в игровую комнату, где у неё хранились игрушки, а Деня сначала пытался важно высидивать за столом, а потом, как и Вика, ушёл к компьютеру, где они с Никитой занялись играми.

Вскоре взрослые переместились в спальню, где на кровати «батонном» лежала Анютка и умилялись этому маленькому человечку, недавно появившемуся в их семье. Викуська и тут пыталась всем во всём помогать.

Прощанье оказалось трогательным. Все дети и внуки по очереди расцеловались с отходящим в рейс моряком. Провожая их, Лавров только пожелал своим детям и внукам:

– Ну что ж! Хорошие вы мои. До свидания на следующие полгода. Не забывайте. Звоните. Пишите.

Глава четвёртая

Утром зазвенел будильник и Лавров сразу проснулся. Многолетняя жизнь механика приучила его к тому, что он просыпался мгновенно. Для того, чтобы уже в следующий момент принимать какое-либо решение, от которого зависела не только его жизнь, а жизнь его товарищей, сохранность механизмов и судна.

Поэтому и сегодня он, как обычно, сразу открыв глаза, выключил будильник и уже в следующее мгновение находился на ногах. Ниночка мирно спала рядом. Чтобы поднять её, нужен другой будильник. Это тот, который Лавров однажды привёз с Севера. Тот поднимал мёртвого. Он звенел так пронзительно звонко, что от его громкого звона, все в ужасе подсакивали. Ручку его завода, приходилось поворачивать только на пол-оборота, чтобы не всполошить весь дом.

А сегодня он только включил свет в коридоре, осветивший кровать со спящей Ниночкой. Полюбовался на безмятежно спящее своё сокровище, он подошёл к ней, поцеловал в щёку и прошептал:

– Подъём. Пора просыпаться, – шутливо добавив: – Нас ждут великие дела.

Нина перевернулась на спину, обняла его обеими руками за шею и прижала к себе.

Она была такой тёплой, нежной и доступной, что он тоже приник к её лицу и ещё раз поцеловал:

– Просыпайся, – нежно повторил Лавров, освобождаясь от её объятий.

Быстро умывшись, он побрился и пошёл в гараж за машиной.

На улице мороз пробирал. Дул северный ветер, пробирающий до костей, несмотря на тёплую куртку.

В гараже – тепло, даже несмотря на то, что на улице февраль месяц, сильный ветер и минус двенадцать. Машина завелась легко. Он её прогрел и уже через пять минут приехал домой.

Ниночка к этому тому времени уже встала. Они вместе приготовили завтрак, и Лавров собрал остальные вещи, ещё не уложенные с вечера.

В коридоре сели на прощание на лавочку и Лавров посмотрел в наполненные слезами глаза Ниночки. Того и гляди, что слезки сейчас потекут. А что делать? Он поцеловал её в красивые, огромные глаза. Заглянул в них и прижал крепче к себе свою, много лет любимую жену. Посидели ещё пару минут, не разнимая объятий, расцеловались и Лавров, пытаясь выглядеть бодрим, скомандовал:

– Ну что, мамусик, поехали?

– Поехали, – обречённо произнесла она почти шёпотом.

Вышли в коридор. Лавров запер дверь своим ключом и отдал его Ниночке.

По многолетней традиции он никогда не брал с собой в рейс ключ от квартиры. Это для того, чтобы, когда он вернется после рейса домой, дома его всегда ждали и не он бы открывал дверь ключом, а на его звонок, дверь всегда широко распахивалось и его на пороге ждали любимые и родные.

Вышли во двор, сели в машину и поехали.

По той же самой традиции, в аэропорт всегда за рулём находился сам Лавров, чтобы хоть как-то облегчить будущее одиночество своей жены.

Ей ещё предстоит полгода заниматься всеми домашними делами в одиночку. И никто ей не поможет поставить машину в гараж, помыть её, подкачать колёса, поменять масло в двигателе, заменить фильтры, забить гвоздь, поменять прокладки в кранах. Поэтому Лавров пытался хоть напоследок как-то облегчить эти заботы, которые лягут на её женские плечи через пару часов.

Выездная трасса из города строилась. Город готовился к саммиту и трассу расширяли. До Садгорода её уже сделали. Дальше же шла грунтовка, засыпанная гравием. Многочисленные знаки указывали на объезды.

Куда едем, чего едем – непонятно. Мало того, что темнота и пылица вокруг стоит сплошной стеной. Везде ограничительные знаки – скорость не больше тридцати. Хорошо, что это ещё семь утра. Машин мало и можно хоть как-то ехать. Ментов на трассе не встретилось. А то, как рассветёт, их на этой недостроенной трассе полным-полно. После каждого знака стоят и машут палками, останавливают и штрафуют за превышение скорости. А где тут эти тридцать километров соблюдать. Тут надо хоть как-то ехать. Для поворота на аэропорт сделали новую дорогу, а из-за этой пыли Лавров её чуть не проехал.

По приезду в аэропорт Лавров облегчённо вздохнул – хоть без приключений добрались.

Термометр на панели автомобиля показывал минус девятнадцать градусов. Холодно. Его даже передёрнуло от холода, когда он вышел из салона автомобиля.

Зашли в здание международного вокзала. Там он увидел капитана, второго механика и второго помощника. С ними рядом стоял ещё какой-то молодой парень. Поздоровался со всеми за руку. Капитан представил Лаврову молодого парня:

– Это наш электромеханик, – на что тот встал и крепко пожал Лаврову руку:

– Владимир, – проговорил он низким с хрипотцой голосом.

Лавров как посмотрел на электромеханика, то сразу же обомлел. Ну, точно Лифанов, копия этого артиста. А особенно когда Владимир заговорил – у него ещё и голос напоминал Лифановский. С хрипотцой.

Второй механик приехал с женой. Они стояли в стороне от общей группы и о чём-то разговаривали. Капитана, второго помощника и электромеханика никто не провожал.

Лавров с Ниночкой тоже отошли в сторону.

Ниночка с тоской смотрела на Лаврова.

– Ты хоть напиши, когда приедешь. Хоть и роуминг. Конечно, это будет очень дорого. Но на эсэмэску-то денег тебе хватит, – с надеждой не сводила она с мужа глаз.

Лавров обнял её за плечи и отвёл подальше от сумок, составленных в одну кучу:

– Конечно, мамусик, дам я о себе знать. Сразу же, как только будет первая возможность, – Лавров хотел хоть как-то успокоить жену.

Сколько в их жизни произошло этих провожаний... Но ничего не изменилось.

Ниночка, как и в первый раз, когда провожала его на самолёт, так же выглядела расстроенной. Она и сейчас, чувствовалось, находилась чуть ли не на грани срыва. Вот-вот готовая разрыдаться.

Они стояли в стороне от всех. Людей в зале хоть и много, но им казалось, что они одни. Лаврову, как и прежде, хотелось наглядеться на такое родное лицо, которое так долго не придётся видеть. Он держал в руках её хрупкие ручки, стараясь хоть немного их согреть. Заглядывая в столь родные для него глаза, надеясь надолго запомнить их блеск.

Тут прозвучало объявление о начале регистрации. Капитан подозвал к себе всех членов экипажа и вручил каждому паспорт с билетом:

– Как приедем в Корею, вы должны мне их отдать, – напомнил он, – а мореходки сдайте Сергею Васильевичу, – указал он на второго помощника.

У каждого на руках имелся дополнительный багаж. Это или папка с журналами или компьютером, выданными им в круинге. Так что экипаж таким образом полностью подготовился к приёмке нового судна.

Второй помощник, Сергей Васильевич, с интересом посмотрел на Лаврова, когда тот отдавал ему мореходку:

– Олег Иванович, а какой продолжительностью Ваш контракт?

Лавров с подозрением посмотрел на него:

«Неужели про нашу договорённость с Андреем уже кому-то что-то стало известно?» – невольно пронеслась мысль.

Но, выдержав паузу, он спокойно отреагировал на вопрос дотошного второго:

– А для какого интереса это вам нужно, Сергей Васильевич? – на что тот слегка замешкался:

– Ну, я же должен всё знать обо всех на этом судне, – наивно смотрел он на Лаврова.

Лавров так же спокойно ответил этому, не в меру любопытному помощнику:

– Сергей Васильевич, вот когда я сдам вам все свои документы, то Вы там найдёте всё, что Вас бы интересовало. Но вкратце могу сказать. Контракт у меня на шесть месяцев.

Непроизвольно, краем взгляда, Лавров заметил, что ушки у всех ребят на макушке, но любопытства они своего не выказывают. Зато настойчивый второй помощник не отставал. Он с неменяющейся тупой физиономией продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.